

Налет продолжался больше получаса. Тан Буфань, сжавшись на дне ванны, прислушивался к шуму льющегося снаружи дождя. Пистолет он так и не поднял.

Мужчина до смерти боялся, что беспилотники вернутся и вновь нацелят на него свои красные лазерные лучи.

Прежде он не страшился смерти. Но теперь всё изменилось — им овладел глухой, липкий страх.

Ему отчаянно хотелось выжить. Хотелось снова увидеть Лу И.

Когда назойливое жужжание наконец стихло, разбитая в щепки дверь ванной распахнулась. В комнату, тяжело дыша, влетел Лу И.

Тан Буфань повернул голову. Заметив сожженную лазером щеку любимого, молодой зверолод замер, и его глаза мгновенно налились слезами.

— Учитель... — с трудом выдавил Лу И. Он шагнул к ванне и, слегка дрожа всем телом, перегнулся через край, крепко прижимая к себе мужчину. — Прости меня... Я опоздал.

Ощувив его горячие объятия, Тан Буфань хотел было сказать, что всё в порядке, но не успел — слезы сами хлынули из глаз.

— Лу И... Господи, Лу И... — Тан Буфань судорожно вцепился в его спину, захлебываясь незащитным, отчаянным плачем. — Я думал... думал, что больше никогда тебя не увижу...

В то мгновение, когда пистолет выскользнул из его рук, Тан Буфань проклял себя за глупость. Зачем он вообще открыл огонь, привлекая внимание этих летающих тварей? Любовь превратила его в эгоиста: ему больше не хотелось геройствовать. Он просто желал выжить любой ценой, лишь бы еще раз оказаться рядом с Лу И.

— Я здесь, я с тобой, — шептал Лу И, сглатывая подступивший к горлу ком. Слушая эти рыдания, он и сам едва сдерживал слезы.

Под шквальным огнем он метался по саду как безумный, разыскивая Тан Буфаня, и только сейчас, прижав его к себе, почувствовал, как ледяная от ужаса кровь снова побежала по венам.

Оба были ранены. Руки Лу И представляли собой сплошное кровавое месиво — результат того, что он голыми руками хватал вращающиеся лопасти дронов. Зверолод кулаками разнес больше сотни беспилотников, а под конец подобрал оружие убитого управляющего и окончательно подавил этот безжалостный налет.

Лу И бережно поднял Тан Буфаня на руки и отнес в их дом на колесах. Достав аптечку, он принялся обрабатывать его порезы и ожоги.

Постепенно Тан Буфань взял себя в руки. В походном наборе не оказалось анестетика, и Лу И уже хотел приказать братцу Каю гнать в госпиталь, но старший его остановил.

— Шей так. Я не боюсь боли, — тихо произнес Тан Буфань. Его веки припухли от слез, но взгляд, устремленный на молодого человека, уже был кротким и решительным. — Хочу, чтобы это сделал именно ты.

Лу И мягко убрал влажную челку с его лба и коснулся губами кожи:

— Потерпи, хороший мой.

Когда изогнутая хирургическая игла проколола кожу на ладони, Тан Буфань невольно вздрогнул, но тут же заставил себя замереть. Он не смотрел на рану — лишь неотрывно, с нежностью и тоской вглядывался в сосредоточенное лицо юного зверолода.

Когда Лу И затягивал седьмой шов, Тан Буфань, покрывшись от боли крупной испариной, потянулся губами к его губам.

Опасаясь потревожить раненую руку мужчины, юноша попытался мягко отстраниться, но Тан Буфань крепко обвился вокруг его шеи, не позволяя прервать поцелуй. Порез на ладони был неглубоким, семи стежков вполне хватало. Тан Буфань зубами затянул и оборвал нить, а затем увлек Лу И за собой на кровать.

Эту деревянную постель они мастерили вместе. Тан Буфань до сих пор помнил, как Лу И пилил доски прямо посреди валящего снега, пока сам он заколачивал гвозди. От дерева до сих пор исходил едва уловимый, чистый аромат сосновой смолы.

Оказавшись сверху, Тан Буфань оседлал бедра юноши. Пальцами, испачканными в крови, он торопливо потянул вверх его промокшую, тоже окровавленную нательную рубаху, а затем прильнул губами к широкой груди, спускаясь поцелуями к рельефному прессу.

Лу И дотянулся до окна и задернул плотную штору, погружая салон в полумрак. Он попытался позвать: «Учитель...», но Тан Буфань не дал ему сказать ни слова, вновь нетерпеливо заткнув его рот поцелуем.

Однако когда дрожащие пальцы мужчины скользнули к пряжке его ремня, Лу И, с трудом сдерживая учатившееся дыхание, мягко взял Тан Буфаня за затылок, заставив отстраниться.

— Учитель, успокойся, прошу тебя, — Лу И вгляделся в заплаканное лицо мужчины. В его золотисто-зеленых звериных глазах плескалась безграничная нежность и тревога. — Посмотри

на меня. Всё позади. Мы живы.

— Я... — Тан Буфань почувствовал на своих щеках прикосновение его израненных ладоней. Спутанные черные волосы разметались по плечам. Силы окончательно оставили его, и он снова разрыдался.

Уткнувшись лбом в грудь Лу И, он закрыл бледное лицо руками.

— Ну почему... почему мне никак не удастся стать счастливым?..

Слезы капали сквозь пальцы. Тан Буфань захлебывался обидой на несправедливость судьбы:

— В средней школе умер дедушка. В старших классах не стало мамы. Я остался совсем один, влезал в долги, чтобы оплатить учебу... Ни единой родной души рядом! А когда наконец устроился в школу, по моей вине погиб ученик... Господи, я ведь просто хочу спокойно жить с тобой! За что мне всё это? Почему это происходит снова и снова?..

Глядя на его отчаяние, Лу И поднялся и крепко, до хруста в ребрах, обнял хрупкое тело мужчины.

— Всё будет хорошо, родной мой, не плачь, — в голосе юноши тоже задрожали слезы. — Мы обязательно будем счастливы. Обещаю тебе.

Тан Буфань размазывал слезы по щекам ранеными, мокрыми ладонями, совершенно не думая о том, что в швы может попасть инфекция. Он судорожно обхватил Лу И руками и ногами, прижимаясь к нему всем телом.

— Давай займемся любовью, Лу И... — прошептал он ему на ухо. — Я хочу тебя. Прямо сейчас.

Он больше не хотел ждать — ни год, ни два, ни сколько-либо еще. Пережитый ужас наглядно показал: в этом безумном мире у них с Лу И может попросту не быть завтрашнего дня.

Лу И ласково гладил его по содрогающейся спине:

— Хорошо... Обязательно. Но давай сначала залечим раны.

Он скользнул взглядом по своим ладоням, исполосованным острыми винтами дронов, и с досадой вздохнул. Опустив руки, он снова бережно прижал Тан Буфаня к себе, баюкая его в объятиях.

Постепенно буря внутри Тан Буфаня утихла. Собрав влажные от пота волосы в небрежный

хвост, он принялся за раны Лу И. Многие порезы были глубокими, с рваными краями. Тан Буфань то и дело шмыгал носом, роняя слезы прямо на швы, но руки его больше не дрожали. Он тщательно осмотрел всё тело молодого зверолюда и бережно зашил самые опасные раны.

— Когда мы встретились в прошлом году, ты был совсем еще мальчишкой — чистым, невинным, — с глухой тоской прошептал Тан Буфань. — А теперь на тебе живого места нет.

— Зеро официально объявил войну нашему виду. От этого никому не уйти, — хмуро отозвался Лу И. Он поднялся с постели и натянул чистую одежду. — Нужно проведать Го Вэня. Ему досталось гораздо сильнее, чем мне.

Когда Лу И в последний раз видел главу федерации, спина того была залита кровью — дроны изрешетили его пулями.

Тан Буфань вспомнил, что именно Го Вэнь практически силой затолкнул его в безопасный домик, иначе на открытом дворе он сам превратился бы в мишень для беспилотников. Чувство благодарности перевесило страх, и он тоже поднялся на ноги.

— Я пойду с тобой.

Лу И заколебался, но, бросив взгляд в окно на стену проливного дождя, рассудил, что повторный налет в такую погоду маловероятен, и согласно кивнул.

Переодевшись и прихватив зонты, они вышли наружу. По аллеям поместья сновали многочисленные спасатели и медики. На одних носилках Тан Буфань с содроганием узнал пожилого садовника. Еще вчера во время утренней пробежки они приветливо кивнули друг другу, а сегодня этого добродушного старика уже не было в живых.

Мужчина крепче сжал рукоять зонта, едва сдерживая kloкочущую внутри ярость.

В главном корпусе, у дверей операционной, они застали Пэй Чжишу. Министр сидел неподвижно, уставившись в одну точку. Физически он не пострадал — его дорогой костюм оставался безупречным, однако выбившаяся из идеальной укладки прядь волос на лбу выдавала крайнюю степень утомления.

Заметив вошедших, Пэй Чжишу очнулся от тяжелых мыслей и поднялся им навстречу, стараясь сохранять привычное изящество манер.

— Я как раз собирался отправить за вами людей, — произнес он, и при взгляде на Лу И в его голосе проскользнули нотки облегчения.

При всей ценности Тан Буфана, судьба Лу И беспокоила министра куда сильнее. Как-никак, юноша являлся официальным наследником Западной Федерации. Случись с ним что-нибудь на

территории Восточной, это обернулось бы колоссальным политическим кризисом.

— Как маршал? — негромко спросил Лу И, стараясь не мешать сновавшим туда-сюда медсестрам.

— Всё еще в операционной, — негромко вздохнул Пэй Чжишу. — Зеро целился лично в него. Маршал принял на себя слишком много попаданий.

Плотность мышц зверолюда в боевой форме превосходила армейский бронежилет, но даже это не могло спасти от шквального огня сотен боевых дронов.

Тан Буфань с тяжелым чувством посмотрел на закрытые двери реанимации. То ли от признательности за спасенную жизнь, то ли из простого человеческого сострадания, но прежняя неприязнь к Го Вэню постепенно улетучилась.

— Го Шэнь в курсе? — поинтересовался Лу И.

Сейчас, когда маршал находился на грани жизни и смерти, Восточная Федерация фактически осталась без лидера. Пэй Чжишу обладал блестящим умом и неоспоримыми талантами, но военные и консервативные круги никогда бы не признали его главенство.

— Он уже в пути, — вполголоса ответил министр.

Хотя Тан Буфань и Лу И уже успели наложить друг другу швы в фургоне, дежурный врач настоял на профессиональной обработке ран. После перевязки они вернулись в коридор, чтобы разделить ожидание с Пэй Чжишу.

Время от времени к дверям подходили уцелевшие слуги, чтобы заявить о немедленном расчете. Тогда же Тан Буфань узнал, что управляющий погиб. Перед глазами поплыли воспоминания о недавнем нападении токсичных людей, когда они с покойным стояли плечом к плечу с оружием в руках. Всё это казалось сном.

Не прояви беспилотники странное милосердие, сейчас его собственное тело лежало бы в морге таким же холодным.

Тан Буфаня пробила крупная дрожь. Ища защиты от накатившего холода, он прижался к плечу Лу И, и молодой зверолюд тут же крепко обнял его, согревая своим теплом.

Тем временем Пэй Чжишу вызвал личную помощницу, поручив ей уладить дела со слугами. Тан Буфань невольно забеспокоился о Вань Имине и братьях Хэ — как они перенесли эту бойню?

Двери операционной распахнулись только в три часа дня. Доктор Цзян устало стянул защитную маску и обратился к ожидающим:

— К счастью, запасов крови в госпитале хватило. Состояние маршала стабилизировалось, его жизни больше ничего не угрожает.

Тан Буфань облегченно перевел дух. На душе стало значительно легче: погибни Го Вэнь, тяжелый груз вины преследовал бы его до конца дней.

Беспокоясь о друзьях, он попрощался с министром и вместе с Лу И поспешил в сторону Бамбуковой обители. Во дворе их встретил плач Хэ Юня, оплакивавшего погибших слуг. Хэ Син стоял рядом, пытаясь его успокоить. Сами братья, к счастью, не пострадали.

Как оказалось, едва взвыла сирена, Хэ Син среагировал мгновенно: затащил брата в ванную комнату и наглухо запер двери и окна, что и спасло им жизнь.

А вот Вань Имин получил серьезное огнестрельное ранение и был срочно госпитализирован. О его состоянии пока ничего не было известно.

Дождь продолжал уныло накрапывать, смывая багровые следы с мостовых поместья. Персонал резиденции сократился катастрофически: кто погиб, кто в спешке уволился. Из прежнего штата осталась едва ли десятая часть.

Радовало лишь то, что удар пришелся исключительно по вершине холма — простые жители у подножия не пострадали. Однако слухи о тяжелом ранении маршала быстро расползлись по городу. Тай охватила тревога, и многие семьи всерьез задумались о том, чтобы уехать подальше.

Осенний звериный прилив остался позади, и теперь дикие пустоши казались обывателям куда безопаснее защищенных стен мегаполиса.

Пэй Чжишу не стал препятствовать паникерам, но выпустил жесткое постановление: всякий, кто покинет город в этот трудный час, навсегда лишается права на проживание в Тае без возможности повторной подачи документов. Столкнувшись с такой дилеммой, большинство семей здраво оценили риски и предпочли остаться.

В конце концов, уровень жизни в Тае превосходил любые дикие поселения.

Понимая, что Зеро нацелен уничтожить именно верхушку власти на холме, Пэй Чжишу отказался от набора новых слуг, оставив лишь необходимый минимум для поддержания порядка в усадьбе. Вместо этого резиденцию заполонили отряды элитных бойцов-зверолюдей, взявших под охрану каждый сектор.

Вань Имин провел в больничной палате всего сутки, после чего, опираясь на костыль, упрямо приковывался обратно. Пуля раздробила ему кость голени, но, к счастью, обошлось без тяжелых последствий — требовался лишь месяц покоя, чтобы нога полностью срослась.

Возвращаться к себе он наотрез отказался, твердо вознамерившись нести службу по охране Тан Буфаня. Тан Буфань искренне желал верному защитнику полноценного отдыха дома, но, натолкнувшись на упрямый, преданный взгляд зверолода, лишь обреченно вздохнул и поручил братьям Хэ приглядывать за раненым.

На третий день после трагедии в резиденцию прибыл Го Шэнь — сын маршала и законный супруг Пэй Чжишу. Вместе с ним в город вошла верная ему колонна тяжеловооруженных зверолодей.

<http://bllate.org/book/19039/2003745>